

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ЧТЯТ ПАМЯТЬ ВЕЛИКОГО КИТАЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Творчество Лу Синя — столетие со дня рождения которого широко отмечается в эти дни, давно и хорошо знакомо нашему читателю. Художественные произведения и публицистика Лу Синя переводятся в Советском Союзе с 1929 года. И общий тираж его книг приближается к двум миллионам.

О популярности Лу Синя свидетельствует и книжно-иллюстративная выставка, открывшаяся 21 сентября во Всесоюзной государственной

библиотеке иностранной литературы. Среди многочисленных экспонатов — два последних сборника избранных произведений замечательного китайского писателя, изданных в нынешнем, юбилейном году в Москве и Киеве.

В Институте востоковедения АН СССР состоялась научная конференция, на которой выступили известные советские ученые-литературоведы. Конференция еще раз показала, насколько широко и основательно изучается у нас творческое наследие великого китайского писателя.

Лу Синю был посвящен торжественный вечер, организованный Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Обществом советско-китайской дружбы совместно с Союзом писателей СССР. С докладом на торжественном заседании выступил заместитель председателя Общества советско-китайской дружбы, секретарь правления Союза писателей, член-корреспондент АН СССР Н. Федоренко.

В юбилейных мероприятиях приняли участие сотрудники китайского посольства. На торжественном вечере в Доме дружбы присутствовал посол КНР в СССР Ян Шоучжэн.

стр. 15

ЗАРУБЕЖНАЯ КУЛЬТУРА

над другими. «Это метилчмо» — шумели тогда «левы» фразеры, особенно уязвленные тем, что такая личность, как А-Кью, пыталась «присоединиться к революции». И Лу Синь был вынужден возражать им: «Думаю, что акюобразные революционеры еще появятся. Я очень хотел бы поверить людям, которые говорят, будто я нарисовал давно прошедшее или временное, но боюсь, что я увидел не столько подступы к настоящему, сколько то, что произойдет после него, возможно, даже через двадцать-тридцать лет».

Часто говорят — и в этом одно из свидетельств удивительно быстрого для Китая развития писателя, — что Лу

ского материализма. Если люди по таким авторам будут судить об историческом материализме, то это очень скверно».

Наряду с рассказами важную роль у Лу Синя играют стихи в прозе, объединенные в сборник «Дикие травы». Это удивительно современные по духу миниатюры, проникнутые тонким чувством природы, воздействующие на читателя не только своим содержанием, но и языком, переменчивым настроением. Во многих стихах «Диких трав» звучат пессимистические ноты, вполне оправданные обстановкой милитаристского Китая, и все же вера в жизнь у Лу Синя оказывается сильнее тоски.

Замечательный образ «мертво-

ка на рубеже 20—30-х годов, с участием Лу Синя в руководстве Лигой левых писателей Китая и более глубоким проникновением автора в законы общественного развития.

Разумеется, Лу Синь чувствовал — и чем дальше, тем больше — колоссальные трудности, стоящие перед его страной; это отразилось и в трагических концовках многих из «Старых легенд по-новому», и в публицистике писателя, например, в статье о догматах, которые бросали ему разные клеветнические обвинения. «Я сильно сомневаюсь в людях, именующих себя руководителями...» — писал о них Лу Синь, — потому что опыты мне подсказывают: большинство этих людей, рядящихся под рабо-

К 100-летию со дня рождения Лу Синя

«БЫСТРО ИДУЩИЙ»

— один из псевдонимов замечательного китайского писателя, основоположника современной китайской литературы, гуманиста и революционного демократа, страстно обличавшего пороки старого общества.

СУДЬБА Лу Синя — крупного писателя, мыслителя, общественного деятеля — теснейшим образом связана с революционной и национально-освободительной борьбой китайского народа.

Творческий дебют Лу Синя состоялся еще в конце XIX века. Тогда он был среди первых молодых китайских интеллигентов, получивших европеизированное образование. Еще юношей он приобщился к освободительным идеям, овладел западной и японской культурой. Начав с переводов Ж. Верна, Лу Синь вскоре увлекся литературой европейского романтизма и написал вдохновенную статью «О силе демократической поэзии», посвященную Байрону, Шелли, Пушкину, Лермонтову, Мицкевичу, Петеру и другим крупным поэтам мира, еще очень мало известным в Китае. Но потом молодой писатель все больше овладевает интерес к реализму — об этом свидетельствовали и выпущенный им в 1909 году «Сборник иностранных рассказов», и его первый оригинальный рассказ «Было», и особенно «Записки сумасшедшего», написанные под влиянием одноименной повести Н. В. Гоголя.

«Записки» вышли в 1918 году и стали первым большим успехом, провозгласившим в Китае годом раньше «литературную революцию», призванную демократизировать литературу, но все же требовавшую обновления китайской литературы. Острейшая социальная направленность рассказа, язык, близкий к разговорному, наконец, незаурядный талант автора — все это сразу привлекло к себе внимание, хотя рассказ был подписан никому не известным псевдонимом Сюнь Синь — Быстро идущий. Впоследствии писатель решил, что этот псевдоним недостаточно похож на китайское имя, и изменил его. Так появился Лу Синь — родоначальник современной национальной литературы, которая ведет отчет

именно с его «Записок сумасшедшего».

Сквозь бессвязные рассуждения душевнобольного — все вокруг кажется ему подвешенным — Лу Синь с редким искусством сумел показать реальную жизнь, где действительно господствует каннибальская мораль. И когда герой рассказа спрашивает: «Может, есть еще дети, не евские люди?», когда он призывает спасти тех, кто еще не заражен страстью к убийствам, понимаешь, что это говорит уже не столько герой, сколько сам автор. Кажется, будто Лу Синю было психологически необходимо написать такой всекрушающий рассказ, чтобы восстановить свое душевное равновесие и принять за другие, более спокойные произведения, вошедшие в сборники «Клич» и «Блуждания».

Впрочем, эти произведения только кажутся более спокойными. Разве можно, например, распространить подобное определение на центральное сочинение Лу Синя — повесть «Подлинная история А-Кью», которой восхищались Ромен Роллан и другие писатели мира? Ее главный герой, деревенский поденщик, не имеет даже настоящего имени, подвергается бесконечным издевательствам со стороны своих земляков и в конце концов погибает на плахе. Судьба А-Кью глубоко трагична, но величие Лу Синя проявляется в том, что он не впадает в слезливый тон. Он сочувствует герою, но одновременно и высмеивает его: ведь А-Кью не понимает своего ужасного положения, да и сам при случае не прочь поиздеваться

Синь похож на Горького, которого он переводил и которому он в самом деле творчески близок. Однако с не меньшим основанием его можно назвать «китайским Горьким», так как именно Лу Синь первым из китайских писателей сделал своим центральным героем простого человека, а перевод «Мертвых душ» стал главным делом последних лет его жизни. Но, пожалуй, еще ближе Лу Синь Чехову: и своим вздумчивым, критическим отношением к людям, и своей склонностью к психологизму, лаконичности. Он прежде всего мастер короткого жанра, и в его новеллах как живые встают самые разные типы, стороны или периоды китайской действительности.

Рассказы Лу Синя глубоко социальные, и вместе с тем в них не встретишь каких-либо претенциозных выводов или любовных приемов, свойственных значительной части китайской литературы. «Я считаю», — объяснял свою позицию Лу Синь, — что всякая литература действительно пропаганда, но отнюдь не всякая пропаганда принадлежит к литературе. Революция, помимо лозунгов, плакатов, объявлений, телеграмм, учебников и прочего, использует художественную литературу именно потому, что она художественная».

Наблюдая всевозможные нападки на индивидуальность, из которых впоследствии выросла открытая борьба против гуманизма, он писал: «В Китае нередко misпровергают сразу и эгоизм, и индивидуализм, и личность, думая, что стоят на позициях историче-

го огня» из одноименного стихотворения. Противоречие, заложенное в этих словах, как бы символизирует, что пламя революции можно «умертвить» только внешне; рано или поздно оно вырвется наружу. И действительность не раз подтверждала мысли Лу Синя. Искренне преданный идеям прогресса, писатель в своих статьях неоднократно подчеркивал, что «пролетарская революция совершается не ради убийства людей, а для собственного освобождения и ликвидации классов вообще», что «революция, конечно, требует разрушений, но еще больше требует созидания».

Великолепный знаток классической культуры, Лу Синь часто стремился в своих произведениях как бы объединить прошлое с настоящим, уповить общие тенденции истории, что особенно ясно появилось в его сборнике сатирико-героических сказок «Старые легенды по-новому». Например, в сказке «Покорение стихий» он перерабатывает китайский миф о потопе, высмеивая тех интеллигентов, которые дрожат за свою шкуру и совершенно не думают о народе. Кроме власти имущих, автор продолжает обличать и рабских настроенных простых людей. Но по своему тону «Старые легенды» заметно отличаются от предыдущих произведений Лу Синя. Серьезное обличение, интерес к психологии, которые в сборниках «Клич» и «Блуждания» явно превалировали над сатирой, уступают место язвительному, торжествующему смеху. Этот сдвиг был связан с укреплением идеальных позиций художни-

люционных и легко раздари- вающих другим страшные я- рылки, вроде «перерожденца», «контрреволюционер» или «из- менник», идут не по прави- лому пути. Они мастерски уби- вают революционные силы на- ции и рассматривают револю- ционный лагерь как собствен- ную вотчину, не заботясь об интересах масс».

В своей публицистике — очень разнообразной и близ- кой к художественному творче- ству — Лу Синь часто исходит из какого-нибудь афоризма идейных противников или мет- кого народного выражения, и через конкретное выявляет об- щее. Так, в Шанхае массовые уличные обыски прозвали «по- гоней за мишенью» — отсю- да родилась одноименная ста- тья писателя, содержащая убийственный по остроте вы- вод: «Четыреста миллионов мишеней разбросано в стране древнейшей культуры».

На русском языке, поми- мо отдельных изданий, вы- шло четырехтомное собрание сочинений Лу Синя, много книг и статей о писателе и его творчестве. Лу Синевский про- изведения переведены почти на все языки народов СССР. Популярность Лу Синя в Со- ветском Союзе может срав- ниться только с его попу- лярностью на родине. При этом в Китае, особенно в пе- риод культурной революции, творчество Лу Синя порой преподносилось в урезанном виде или извращалось, тогда как в нашей стране — и мы вправе гордиться — его слава оставалась практически неизменной. Широко отмечая в эти дни столетие со дня рождения Лу Синя, советская общественность отдает дань уважения замечательному ки- тайскому писателю, революци- онному демократу, поборнику дружбы между китайским и советским народами.

В. СЕМАНОВ,
доктор
филологических наук,
профессор

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ЛЬСТЯТЬ И КОПАТЬ

Это эссе Лу Синь написал 10 декабря 1925 года и опу- бликовал через два дня в Пе- кине, средоточии тогдашней китайской реакции. Смысл эссе трудно понять без учета места и времени его написания. Северные милита- ристские кини воевали тогда против революционного юга, а в контролируемых районах беспощадно подав- ляли все прогрессивное.

Целозура не то что жесто- чась — свирепствовала. Лу Синю, как и многим другим, приходилось прибо- гать к инсказнянам, перево- дить главные мысли из тек- ста в подтекст — благо, в ки- тайской литературе существу- ет давняя традиция намеков и аллегорий, и читателю не составляло особого труда «расшифровывать» подлин- ный смысл тех или иных об- разов и слов.

«Льстить» и «копать» — это, конечно, символы. Льсть у Лу Синя — это не только льсть как таковая, но и про- извод алчных чиновников, угнетение народа. Лести пи- сатель противопоставляет со- зидательный труд. «Копать» именно и означает «трудить- ся», «работать». Но Лу Синь был вынужден избрать этих точных слов. Дело в том, что «труд» входит в китайском языке в сочетании, означаю- щее каторгу, каторжные ра- боты, а Лу Синь не хотел, чтобы его призы могли по- нять превратно. Приветство- вать «работу» в реакционном Пекине было просто опасно, поскольку работа прямо свя- зывалась с такими «нрамоль- ными» понятиями, как «рабо- чий класс» и «профсоюзы». И Лу Синь выбрал слово «ко- пать». Смысл здесь не толь- ко в том, чтобы копать зем- лю, углубляя русло реки. Ко- пать — значит и корчевать, искоренять, и не только леть, но и все прогнившее, реакционное, что ее поро- ждает.

КОГДА в Китае появля- ется деятель, по некото- рым признакам возбуж- дающий у людей подозрения, что он способен потревожить лично их, то испокон веков прибегают к двум способам: либо задавить, либо захватить его.

Давят с помощью старых обычаев и старой морали или же правительственной властью,

Поэтому идейные борцы-оди- нок, хоть и воюют за народ, своими «деяниями» только са- ми себя губят. Окружающие же успокаиваются только за- губив их окончательно. Когда за- давить почему-либо не удается, то прибегают к лести, уповая, что чем выше он будет превоз- несен и чем больше всем на- вязнет в зубы, тем меньше вреда причинит льстецам, ко- торые могут больше за себя не беспокоиться.

Люди сообразительные, есте- ственно, льстят с корыстны- ми видами: льстят богачам и начальству, подлизываются к молодым актерам и актри- сам; людишки же попроче — из тех, кто никогда не зубрил конфуцианские каноны, — то- же льстят, но по другим «мо- тивам»: прежде всего из опасе- ния, как бы чего не вышло. Скажем, жертвоприношения духам совершаются, потому что духи страшные и злые. На- боят таких, как бог огня или дух лихорадки, это понятно само собой, но ведь даже бог богатства Цайшэнь — пугаю- щая людей тварь, изображае- мая похожей то ли на змею, то ли на ежа. Бодхисатва Гу- аньинь —, конечно, куда милее, но она пришла к нам из Ин- дии, это отнюдь не наше «на- циональное наследие». Надо прямо сказать: девять десятых из тех, кому льстят и кого по- читают, — скверные твари.

Льсть и почитание скверных тварей, конечно же, приносят результаты прямо противопо- ложные упованиям льстецов: не просто беспокойство, а настоя- щий большой вред, ибо чело- веческую алчность насытить нелегко. Но люди до сих пор не прозрели и по-прежнему уповают на лести, живя сего- дняшним днем.

Бодхисатва — в буддист- ском пантеоне тот, кто ведет людей по пути внутреннего совершенствования.

В старинном сборнике анек- дотов, точное название кото- рого я забыл, кажется, что-то вроде «Обширных записей из лесов смешного», рассказана такая история. В день рожде- ния некоего уездного началь- ника, который родился в год под знаком мыши, подчинен- ные сложились и поднесли ему в подарок отлитую из чистого золота мышь. Начальник подар- ок принял и нашел случай сказать чиновникам, что на следующий год исполняется круглая дата со дня рождения его супруги — она моложе его на год и, стало быть, роди- лась под знаком быка.

Теперь вздумайтесь: если бы никто не преподносил золотую мышь, ему бы и в голову не пришло позариться на золотого быка. Но стоит поднести подарок один раз, как уже трудно остановиться. Конечно, чиновникам не хватило силе- нок преподнести золотого бы- ка, ну а если бы все-таки пре- поднесли? Тогда бы оказа- лось, что у него наложница ро- дилась не иначе, как в год сло- на... Разумеется, слон не вхо- дит в число двенадцати живот- ных календарного цикла, и по- тому упоминать о нем не со- всем кстати, но про слона вы- думал я сам, а уж начальник уезда наверняка располагал и возможностями, и хитроумны- ми приемами, о которых мы теперь даже не имеем пред- ставления.

Во время Синьхайской рево- люции — когда я находился в городе С, туда прибыл губер- натор. Он обучался разве что в университетах «зеленых ле- сов» и никогда не зубрил ка- ноны, но все же разблуд- шившись в обстановке и прислу- шиваясь к общественному мне- нию. Так вот, и зная, и про-

стонародье все как один уха- тились за унаследованное от предков правило, принялись льстить и захвалили его. Нано- сили визиты и отбивали покло- ны, подносили то отрезки на платье, то циновки из птичьих перьев. От пресмыкательства и лести губернатор позабыл, кто он такой, и стал походить все- ми замашками на обыкновен- ного прежнего чиновника, пу- стился обирать и грабить всех и вся.

Самое удивительное, что в некоторых северных провинци- ях русло реки Хуанхэ подняли выше крыш домов. Сначала, естественно, наращивали дам- бы против наводнений и таска- ли землю. Никому не пришло в голову, что вместе с дамбой и речное русло тоже подни- мается все выше, так что угро- за прорыва все возрастает и возрастает. Начались работы по «ремонту дамб», «защите дамб», «предотвращению про- рыва дамб» — названия для них повыводились множество, и народ хлебнул горя. А если бы с самого начала, столкнув- шись с наводнением, вместо того чтобы гордиться дамбы, на- чали бы копать, углубляя рус- ло реки, то мы, по-моему, не дошли бы до этого.

Тем, кто алчно претендует на золотых быков, не следует подносить золотых мышей, им нельзя ничего давать — даже дохой мышь. В этом случае они даже свой день рождения отмечать не станут, так что можно будет избавиться от обязательных поздравлений с пожеланиями им долголетия — что уже само по себе приятно.

Корень всех бед, которые китайцы навлекают сами на себя, — в лести «Счастье при- дет само», если усердно ко- пать. В самом деле, рабочей силы у нас хватает, только, с точки зрения бесстыдно обле- нившихся, льстить — легко!

Перевод А. ЖЕЛХОВЦЕВА

В буржуазная революция 1911—1913 годов в Китае, свергшая маньчжурскую ди- настия Цинь.